

ния в иные, чем настоящее, модусы и моменты времени, которые доступны лишь свое-временно, т. е. не раньше и не позже того момента как они станут самим настоящим. Так что стремление и осуществление достижения будущего и прошлого времен без обращения к могущественной власти настоящего уместнее перенести с физического времени действительности в область времен иных (условных) реальностей, так как человечество давно если и не преодолевает, то ослабляет давление действительности созданием квазидействительностей. И борется, не подчиняя, с неотвратимостью ее времени, осваивая его, сохранением, воспроизведением, синхронизацией через культурную память, тексты, мифы, социальные практики и ритуалы, искусство. Физическое время предстает в облики социального и художественного времени.

В. А. Медведев

ФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ПОЗНАВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА

1. Методологический дискурс когнитивной сферы: критерии идентификации методологического исследования

Концептуализация особенностей методологического исследования требует определить критерии, позволяющие рассматривать его с точки зрения функциональной проявленности в более широком процессе человеческого познания. В данном случае важно отметить, что функциональная конфигурация познавательного процесса проявляется в виде комплекса трех основополагающих функций и соответственно уровней осуществления когнитивного действия¹.

¹ Это параметры, которые характеризуют любые формы осуществления познавательного процесса. Однако в данном контексте акцент делается на институционально проявленных в современном обществе формах познания.

Познание всегда имеет определенное основание, содержательно разворачивается в процессе формирования концептуальной модели изучаемого предмета и предполагает достижение определенного результата, который проявляет собой практическое значение когнитивного действия, варьирующееся в широком диапазоне, начиная с развития познавательного опыта исследователя, обогащения его мировоззрения и заканчивая формированием новых продуктов цивилизации. Отсюда функциональная конфигурация познавательного процесса определяется функциями (1) концептуализации оснований, (2) формирования теоретической модели в рамках образованной подобными основаниями системы координат и (3) операционализации теоретических построений в ходе проявления практического результата познания².

Методологическое исследование соответствует первой из названных функций познания, проявляясь на уровне концептуализации оснований когнитивного действия. Это форма познания, которая требует от исследователя умения «смотреть на себя со стороны», т. е. осознавать себя как субъект познания, а значит идентифицировать структурообразующие параметры своей исследовательской позиции.

Когнитивная насыщенность человеческой жизнедеятельности отображается, во-первых, в виде опосредованности последней перманентным осознанием человеком себя в качестве такового (когнитивное содержание соответствующих процессов)³; во-вторых, в форме проявленности самосознания в актах индивидуального освоения человеком пространства собственного существования и, в-третьих, в качестве системы функционально скоординированных познавательных практик, которая отображает процессы осознания человеком себя в ходе освоения окружающего мира на уровне человеческого сообщества, в различных формах и масштабах его воспроизводства и развития как «коллективного субъекта» познания⁴.

² Ср.: *Ойзерман Т. И.* Научно-философское мировоззрение марксизма. М., 1989. С. 89, 93; *Лойфман И. Я.* Мировоззренческие штудии. Екатеринбург, 2002. С. 39–40.

³ См., напр.: *Келли Дж. А.* Теория личности. СПб., 2000. С. 11–31.

⁴ См.: *Пружинин Б. И.* Рациональность и историческое единство научного знания. М., 1986. С. 13–14; *Ойзерман Т. И.* Указ. соч. С. 74–75.

При рассмотрении параметров конституирования познания на уровне человеческого сообщества целесообразным представляется использование термина «когнитивная сфера», референтом которого является институционально проявленная инфраструктура человеческого познания. Модель когнитивной сферы воспроизводит функциональную конфигурацию познавательного процесса, спроецированную в масштабах человеческого сообщества. Это означает, что основные функции когнитивного действия, образующие собой функционально завершённый цикл познания, проявляются в данном контексте рассмотрения в качестве организующих принципов построения институциональной конфигурации когнитивной сферы.

Так, на современном этапе общественного развития, в условиях доминирования научной картины мира⁵, когнитивная сфера, по сути, проявляется в виде «научной сферы» и представляет собой трехуровневую структуру, в которой институционально закреплены функции (1) концептуализации оснований, (2) построения теории и (3) актуализации ее практического значения, т. е. методологическая, фундаментально-теоретическая и прикладная функции познавательного процесса, которым соответствуют уровни философии, фундаментальной науки⁶ и прикладного научного знания (см. схему).

Особенность методологии как формы познания заключается в том, что она пронизывает собой все уровни и подуровни когнитивной сферы, не являясь в этом смысле самостоятельной дисциплиной, но образуя скорее модус познания⁷. Она, во-первых, является аспектом всякого научного исследования в той мере, насколько последнее претендует на рациональность формирования мысли⁸, поскольку это предполагает опору на определенные основания, т. е.

⁵ См., напр.: Лойфман И. Я. Мировоззренческие штудии; Ойзерман Т. И. Указ. соч.; Хайдеггер М. Время картины мира // Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет. М., 1993. С. 135–167.

⁶ В узком смысле термин «фундаментальная наука» применяется для обозначения блока естественно-научных и математических дисциплин. В этом отношении необходимо отметить, что в данном контексте он используется в более широком значении, которое определяется оппозицией «фундаментальное – прикладное» научное знание и охватывает собой всю область конкретных дисциплин современной науки.

⁷ Ср.: Пружинин Б. И. Указ. соч. С. 6–7, 21–22.

⁸ См.: Там же. С. 29–30.

* При – прикладное исследование

их осознание и актуализацию в логической структуре исследования, что соответствует методологическим параметрам познавательного процесса и является неотъемлемым условием научной работы⁹. Во-вторых, методология есть самодостаточная структура познавательных практик, образующих уровень познания, идентифицируемый посредством критерия концептуализации оснований. При этом «самодостаточность» подобной структуры не является предпосылкой для определения ее в качестве научной дисциплины, поскольку «методологичность» есть функция познания, проявляющаяся по-разному в каждом из возможных контекстов рассмотрения.

В частности, в отношении когнитивной сферы в целом методологическим уровнем познания является уровень философии; в отношении философии – подуровень теории познания, которому в рамках фундаментальной науки соответствует подуровень метатеории, а в прикладной науке – подуровень методологии приклад-

⁹ Поппер К. Нормальная наука и опасности, связанные с ней // Кун Т. Структура научных революций. М., 2002. С. 525–538.

ного исследования. Более того, методологическая составляющая присутствует на каждом из подуровней каждого из уровней когнитивной сферы. В *когнитивном* плане все это структура методологии научного познания. Однако *институционально* ситуация далеко не так однозначна, поскольку каждое из названных проявлений методологического дискурса дисциплинарно гораздо ближе к тому уровню, в рамках которого оно проявлено в качестве одного из подуровней, чем к теории познания как философской дисциплине, интегрирующей в себе методологию когнитивного действия (методология науки) в качестве одного из разделов исследования¹⁰. Целостность методологическому дискурсу придает не фактическая институциональная или предметная близость исследователей, а особый стиль мышления, который вне зависимости от конкретных референтов познания требует от ученого умения фокусироваться на своих основаниях и формировать в пространстве их актуализации различные инструменты познания.

В то же время невозможность рассматривать методологию в качестве самостоятельной, целостной научной дисциплины в силу ее рассредоточенности по всей инфраструктуре когнитивной сферы не означает, будто методологический дискурс – это абстракция, собирательный образ выделенных по определенному признаку и при этом разрозненных, несводимых одна к другой познавательных практик. Говорить о методологическом дискурсе как когнитивном образовании, пронизывающем собой всю конфигурацию когнитивной сферы, имеет смысл только при условии допущения существования целостной структуры последнего. А это означает, что элементы данного когнитивного образования взаимосвязаны, составляют

¹⁰ Термин «методология когнитивного действия» характеризует раздел философии, который определяется в отечественной традиции как «методология науки» и объединяет совокупность исследований, направленных на разработку принципов и инструментов развития познавательного процесса. Целесообразность использования этого термина обусловлена тем, что проблемная область «методологии науки» в современной отечественной философии оказывается более узкой, чем прежде, в связи с изменением представлений о соотношении философии и науки (см.: Ойзерман Т. И. Указ. соч.; Пружинин Б. И. Указ. соч.). Поэтому представляется уместным использовать для обозначения подобных исследований термин «методология когнитивного действия», который точнее выражает параметры данного референта.

уровневую целостность, следовательно функциональны, а также иерархически соотносятся в процессе воспроизводства и развития методологического дискурса и когнитивной сферы как таковой.

Иерархическая и функциональная взаимосвязь подобных составляющих предполагает (1) существование функционально доминирующего уровня, имеющего структурообразующую для «дискурса» в целом конфигурацию; (2) существование совокупности производных от него методологических уровней, а также (3) принципов взаимопроникновения, взаимоперехода когнитивных ресурсов, их «проецирования» с одного уровня структуры на другой. А это предполагает существование определенной модели построения «подчиненных» методологических уровней как проекции структурообразующих параметров методологического дискурса в целом, что особенно актуально, если учесть факт отсутствия самостоятельной дисциплины, структурообразующие принципы которой сами собой актуализируются в ходе исторического развития той или иной отрасли знания.

Доминирующий уровень методологического дискурса функционально актуализируется в качестве уровня концептуализации принципов, образующих «ядро», «остов» методологии как особой формы познания. Это методологический раздел гносеологии, направление исследований, в котором работает определенное исследовательское сообщество, являющееся достаточно «компактным» в смысле интенсивности взаимодействия его представителей и устойчивости предметной области их исследований¹¹.

В то же время данный раздел теории познания («методология когнитивного действия») и соответственно специализирующееся в рамках данной предметной области сообщество исследователей — это только «верхушка айсберга». Институционально он не охватывает собой весь методологический дискурс современной науки — исследователи, профессионально занимающиеся вопросами методологии научного познания на различных уровнях воспроизводства последнего, далеко не всегда имеют непосредственное отношение к философской теории познания, в пределах которой проявлен раздел методологии когнитивного действия¹². Кроме того, решаемые

¹¹ См.: Пружинин Б. И. Указ. соч. С. 3–11, 28–29.

¹² См.: Там же. С. 6–7.

здесь методологические вопросы хотя и влияют на конфигурацию методологического дискурса, тем не менее эпистемологически не детерминируют и не охватывают собой весь круг решаемых на разных уровнях научного поиска методологических задач и вопросов. Однако это не отменяет доминантности названного раздела гносеологии по отношению к методологическому дискурсу в целом, понимаемому как инфраструктура эпистемологически эквивалентных и при этом институционально разрозненных познавательных практик, что делает особенно актуальным вопрос о взаимодействии различных уровней и фрагментов подобной инфраструктуры.

Для того чтобы разобраться в этом вопросе, необходимо подробнее остановиться на конфигурации когнитивной сферы¹³, которая воплощает собой уровневость соотношения «измерений» пронизывающего ее методологического субстрата. Так, уровни философии фундаментальной и прикладной науки различаются не только функционально, в виде институционально закрепленного выражения определенного модуса познавательного процесса с соответствующим ему предметом и инструментарием исследования. Они различаются также структурно, по способу построения образующих каждый из уровней когнитивной сферы эпистемологических практик и отношений исследователей, взаимодействующих по поводу их воспроизводства, развития.

Философия как методологический уровень когнитивной сферы выстраивается в виде метадискурса по отношению к фундаментальной науке. Причем его отличие от последней заключается в том, что особенности дисциплинарного деления познания начинают здесь проявляться только на уровне специальных философских дисциплин, которые образуют нижний (третий) подуровень философского знания. Предмет философии как таковой дифференцируется не фактологически. Здесь основным критерием членения является уровневость. В этом отличие фундаментальной науки от философии. Первая является дисциплинарно дифференцированной на всех ее уровнях (от эмпирии до метатеории)¹⁴, тогда как

¹³ См. схему на с. 103.

¹⁴ См.: *Лойфман И. Я.* Дух диалектики. Екатеринбург, 2000. С. 31–32, 87; *Хайдеггер М.* Указ. соч. С. 142; *Степин В. С.* Основания науки и их социокультурная детерминация // *Философия и социология науки и техники.* М., 1987. С. 27–28.

вторая проявляет параметры дисциплинарности только на уровне конкретных философских дисциплин, которые эпистемологически служат неким эквивалентом эмпирических исследований в фундаментальной науке. Философский дискурс является в этом смысле гетерогенным по предметному основанию, тогда как фундаментальная наука дифференцируется не только предметно, но и институционально.

Уровневость философского знания выстраивается от теории познания, через онтологию, к конкретным (специализированным) философским дисциплинам подобно тому, как уровневость фундаментальной науки проявляется в виде перехода от метатеории к теории, эмпирии и обратно, а уровневость прикладной науки актуализируется в виде движения от методологии, через методику к конкретной процедуре исследования.

Здесь стоит провести аналогию между соотношением фундаментальной и прикладной науки, с одной стороны, и философии и фундаментальной науки – с другой. Подобно тому как философия отличается от фундаментальной науки широтой предмета исследования в смысле различия в дисциплинарной обусловленности на каждого из этих двух уровней когнитивной сферы, фундаментальная наука отличается от прикладной значением эмпирической составляющей познавательного процесса, которая, будучи сферой разворачивания нижнего (третьего) подуровня фундаментальной науки, оказывается конститутивным параметром всей структуры прикладного научного знания. Последнее является эмпирическим по своей сути (изначально и полностью)¹⁵.

Подобная конфигурация когнитивной сферы предполагает, что движение эпистемологического ресурса в пределах ее методологического дискурса осуществляется как актуализация принципов методологии когнитивного действия в масштабе философской теории познания, затем как проявление методологического аппарата, сфор-

¹⁵ Речь об *эмпирии* в данном случае идет не в смысле всякой референции познавательного процесса, когда теория является эмпирией для метатеории, а метатеория является эмпирией для философской теории познания. «Эмпирическое» определяется в данном случае как фактологический субстрат, основанный на внешних по отношению к эпистемологическому содержанию науки (когнитивной сферы) явлениях, процессах, объектах онтологического пространства.

мированного в формате теории познания в пределах предметной области онтологии. Последняя является уровнем познания, позволяющим операционализировать инструментарий исследования применительно к субстанциональному содержанию онтологических оснований познания, которые проявляют эпистемологическую позицию исследователя и, более широко, сформированные в философии эпистемологические построения в качестве содержательно наполненных когнитивных моделей, т. е. моделей видения мира. Причем подобные «модели», в свою очередь, опредмечиваются в структуре философского знания не только на уровне онтологии, но также на уровне конкретизации системы онтологических представлений в виде специализированных по предметному основанию подсистем философского знания и соответственно дисциплинарных векторов развития познавательного процесса. На этом подуровне методологические принципы, аппарат исследования, насыщенный уже (в формате онтологии) субстанциальным содержанием сформированной когнитивной модели, операционализируется на материале конкретных философских дисциплин с соответствующими им референтными областями.

Принципиально важно, что именно специальные философские дисциплины являются переходным звеном между философией как уровнем когнитивной сферы и фундаментальной наукой. Эпистемологическое пространство последней дисциплинарно дифференцировано. Это является основополагающим признаком (и принципом построения) данного уровня когнитивной сферы и служит основанием методологической комплиментарности метатеоретического подуровня фундаментальной науки и конкретно-дисциплинарного подуровня философии.

В данном случае стоит остановиться на вопросе о соотношении метатеории как методологического подуровня фундаментальной науки и теории познания (гносеологии) как методологического подуровня философии. На первый взгляд, предметно они значительно ближе друг к другу, нежели конкретно-научная метатеория, с одной стороны, и специальные философские дисциплины – с другой. Это подуровни, на которых разрабатываются методологические вопросы соответственно фундаментальной науки и философии. Они являются функциональными эквивалентами и формально обнару-

живают больше позиций соприкосновения, а отсюда и взаимопроникновения. Однако это не совсем так. Действительно, метатеория и гносеология являются функциональными эквивалентами как методологические подуровни фундаментальной науки и философии. Существует даже тенденция «перехода» исследователей с уровня метатеории на уровень философской теории познания (и обратно) или актуализации ими в своих исследованиях обоих этих подуровней одновременно (в одной работе), причем таким образом, что содержательно этот переход не опосредуется обращением к вопросам, например, онтологии или конкретных философских дисциплин.

В этой связи важно подчеркнуть, что философская теория познания и метатеория какой-либо конкретной науки основываются на принципиально различных когнитивных моделях, непротиворечивое, избегающее эпистемологической редукции одной системы координат к другой (либо их эклектического смешения), взаимопроникновение которых возможно только с позиции философской теории познания в рамках специального исследования по поводу возможностей работы ученого в различных системах координат. В противном случае подобного рода переходы исследователя из одной предметной области в другую, как правило, предполагают изменение предмета рассмотрения при сохранении исходной когнитивной модели, что ведет к экстраполяции заранее полученных выводов на «неизвестную» область исследования. А это означает, что методологически позиция исследователя не меняется, т. е. метатеоретик сохраняет позицию представителя конкретной науки, а теоретик познания видит проблематику конкретной науки лишь с позиции гносеологии¹⁶.

Методологические наработки философской теории познания предметно актуализируются для конкретных научных дисциплин после их «операционализации» в формате онтологии и конкретных отраслей философского знания.

Так, например, модель неклассического идеала научной рациональности разрабатывается в пределах «эпистемологического» под-

¹⁶ Схожая проблематика рассматривается, к примеру, В. А. Лекторским в контексте анализа типов «толерантности» в современной науке и обществе (*Лекторский В. А. Эпистемология классическая и неклассическая. М., 2001. С. 21–31*).

уровня философской теории познания¹⁷. И казалось бы, принципы, формируемые в данном контексте, непосредственно актуализируются в формате метатеории конкретной науки, определяя ориентиры развития фундаментального знания в рамках соответствующей дисциплины. Однако при внимательном рассмотрении оказывается, что для конкретной науки эти принципы не имеют существенного значения. И не важно, идет ли речь о ее метатеоретическом или эмпирическом уровне. Данное обстоятельство сохраняет силу в любом случае. И связано это с тем, что метатеория (а тем более теория и эмпирия) предполагает развитие методологического аппарата соответствующей науки, исходя из ее предметной идентичности¹⁸. Эпистемологическая модель идеала научной рациональности с соответствующими ей принципами познания актуализируется в подобном случае исключительно на основе определенной системы онтологических представлений, которые к тому же проявляются в предметном диапазоне данной отрасли знания. Вне своего предмета, т. е. безотносительно к критериям конституирования научного подхода, ученый ничего увидеть не может по определению. А это означает, что наработки философской теории познания обретают когнитивный вес для ученого, являющегося специалистом в области конкретной науки, при условии их соотнесенности с «узнаваемым» для него субстратом дисциплинарной предметности, что возможно за счет субстанциальной операционализации подобных методоло-

¹⁷ Модель методологического дискурса когнитивной сферы актуализирует когнитивно-функциональные параметры институционализации познавательного процесса, которые в ряде случаев отличаются от традиционных классификаций форм и типов познания (см., напр.: *Лойфман И. Я.* Мировоззренческие штудии. Екатеринбург, 2002; *Лекторский В. А., Швырев В. С.* Методологический анализ науки (типы и уровни) // *Философия. Методология. Наука*. М., 1972). И это требует рассмотрения вопроса о целесообразности обращения к подобной модели, который обсуждается в следующей части данной статьи.

¹⁸ Уровень научной метатеории изначально дисциплинарен, поскольку дисциплинарная дифференциация задается институциональным каркасом фундаментального научного знания, будучи условием научности соответствующих исследований. Функциональность метатеоретического исследования строится по «оси» идентификации предметной области конкретной науки, что является условием обеспечения теоретико-методологической идентичности последней и служит основанием развития ее методологического аппарата.

гических построений на уровне онтологии и конкретных дисциплин философии, а после этого – концептуализации в формате мета-теории и только затем на уровне теории и эмпирии¹⁹.

Это характеризует модель соотношения философии и «науки» (фундаментальной науки) с позиции методологического дискурса когнитивной сферы. Причем, рассматривая последний, стоит отметить, что охарактеризованные параметры применительно к вопросу о сопоставимости первого и второго уровней когнитивной сферы в то же время актуальны и с точки зрения интерпретации соотношения ее второго и третьего уровней, т. е. фундаментальной и прикладной науки, а также конфигурации когнитивной сферы в целом, когда параметры трансляции методологического ресурса в структуре философского знания позволяют представить особенности эквивалентных процессов внутри фундаментальной науки и уровня прикладного научного знания²⁰.

Рассмотренные вопросы позволяют обозначить особенности методологического дискурса когнитивной сферы. А это имеет существенное значение в контексте изучения функциональной обу-

¹⁹ К примеру, процессы ассимиляции в современной социологии постклассического идеала научной рациональности – это не просто признание и актуализация в исследовательской практике теоретико-методологических принципов данной модели познания. Для социолога эти принципы опредмечиваются в виде определенной концепции «социального», которая задает горизонт познавательных возможностей и требует соответствующего методологического аппарата исследования. При этом концепт «социальности» формируется за пределами социологического познания. Социолог не работает с абстракцией «социального» как таковой. Это выходит за пределы его дисциплинарной компетентности, будучи предметом социальной философии, наработки которой проецируются в дискурс социологической метатеории в виде сформированного эпистемологического конструкта. В то же время особенности концептуализации предмета исследования в дискурсе социальной философии определяются системой онтологических представлений, которые формируются на уровне онтологии и, в свою очередь, предполагают операционализацию когнитивной модели и методологического инструментария, разработанного в формате гносеологии, что, таким образом, проявляет методологические зависимости между различными уровнями познания.

²⁰ Отличие здесь заключается только в том, что операционализация методологического аппарата в фундаментальной науке осуществляется в пределах конкретных областей знания, а в прикладной науке – в пределах эмпирического субстрата дисциплинарно дифференцированных исследований.

словленности методологического исследования с точки зрения развития познавательного процесса.

2. «Методология когнитивного действия» как подуровень теории познания

Методология – это всегда метадискурс, т. е. смещение когнитивного фокуса с субстанционального референта на систему координат, когнитивную модель, которая опосредует концептуализацию конкретного предмета исследования. В этом смысле методологический дискурс не является безусловно инструментальным. Формирование методологических инструментов есть результат методологического исследования. Однако суть методологии как стиля мышления заключается не в потенциальных результатах когнитивного действия, а в особой культуре мышления, в развитии способности исследователя фокусироваться на своих основаниях, т. е. осознавать себя как субъект когнитивного действия не по результатам познавательного процесса, а через рассмотрение себя в ходе формирования мысли, что, в свою очередь, требует уровневости когнитивного действия, развития способности одновременно находиться в нескольких «точках» когнитивного полотна, быть одновременно и субъектом, и объектом познания, в то же время не замещая собой субстанционального референта исследования. А это, во-первых, проявляет особенности научного познания в целом как деятельности социальных субъектов, которая, претендуя на рациональность²¹, по необходимости содержит методологический компонент в любых своих проявлениях, поскольку строится по принципу логической выводимости знания из определенной системы теоретико-методологических предпосылок. Во-вторых, это актуализирует особенности построения институциональной структуры когнитивной сферы, в которой методологический дискурс не только пронизывает собой всю совокупность эпистемологических практик, но и имеет определенные «области» фокусирования, что дает возможность, с одной стороны, выделять методологическую функцию с точки зрения соотношения различных уровней когнитивной сферы по прин-

²¹ См.: Пружинин Б. И. Указ. соч. С. 29–30.

ципу метадискурсивности «методологического», а с другой – фиксировать «точки» предметной концентрации методологического исследования, т. е. подуровни когнитивной сферы, функционально ориентированные на развитие методологии познавательного процесса. К последним относятся: (1) раздел философской теории познания, характеризуемый как «методология когнитивного действия»; (2) метатеория конкретных наук, т. е. логика и методология исследований в конкретных научных дисциплинах и (3) методология прикладного исследования, связанная с принципами операционализации фундаментального знания применительно к решению практических задач в жизни современного общества. В данном контексте особый интерес представляет подуровень методологии когнитивного действия, в пределах которого осуществляется характеризуемое здесь методологическое исследование.

«Методология когнитивного действия» является разделом теории познания, который с точки зрения конфигурации методологического дискурса когнитивной сферы выступает в качестве методологического подуровня философской теории познания и сосуществует с подуровнями «эпистемологии» и логики. При этом общая конфигурация теории познания выстраивается относительно заданного критерия рассмотрения как трехуровневая структура, в которой на первом уровне осуществляется концептуализация оснований познания, на втором – построение конкретных теоретических моделей, а на третьем – кодификация объекта исследования в ходе операционализации подобных теоретических построений (моделей). Это общая функциональная модель когнитивного действия, которая применима к любому «когнитивному циклу» (функционально сбалансированному циклу познания), а следовательно, к концептуализации структуры когнитивной сферы и соответственно каждого из ее уровней и подуровней, так как говорить о последних уместно только при условии их идентифицируемости в качестве таковых, а значит функциональной сбалансированности в виде определенных познавательных дискурсов с соответствующими когнитивными циклами. Поэтому названная модель оказывается вполне применимой в отношении концептуализации теории познания как одного из подуровней когнитивной сферы, на котором она в то же время проявляется своеобразным для него образом.

Предметом теории познания является когнитивное действие в различных эпистемологических, институциональных и праксеологических формах его проявления²². Отсюда подуровень концептуализации оснований теории познания проявляется в качестве методологии когнитивного действия; подуровень формирования теоретических моделей актуализируется в виде «эпистемологии», понимаемой в данном случае в качестве теории «социализации» знания (если использовать терминологию М. К. Петрова)²³, а подуровень кодификации отображается в виде логики, дискурс которой воспроизводится в данном контексте в функции формализации знания²⁴. Причем, поскольку речь здесь идет о теории познания, то (1) методология когнитивного действия оказывается разделом, в котором осуществляется разработка и применение методологии формирования когнитивных моделей; (2) эпистемология выступает в качестве раздела, занимающегося проблемами соотношения когнитивной модели и осуществляемых в ее системе координат эпистемологических практик. В данном случае центральной становится проблема истины и достоверности результатов исследования, вокруг которой выстраивается множество вопросов эпистемологической тематики, различные варианты решения которых проявляют со-

²² См.: Зандкюлер Г. Й. Действительность знания. Историческое введение в эпистемологию и теорию познания. М., 1996. С. 48.

²³ На мой взгляд, термин «эпистемология» лучше всего подходит для обозначения данного раздела теории познания, даже несмотря на то, что значение, которое в этом случае ему присваивается, отлично от традиционных интерпретаций. Подобное употребление термина основывается на попперовской трактовке «эпистемологии» как «теории научного познания», которая с точки зрения модели методологического дискурса когнитивной сферы проявляется в качестве «теории типов познания» (типов, соответствующих различным когнитивным моделям). Речь идет об использовании принципа сопоставления гносеологии и эпистемологии как общего и особенного с тем только отличием от традиционной практики подобной интерпретации, что «особенное» оказывается в данном случае не системой знания, а уровнем, на котором знание формируется, причем формируется в условиях сосуществования различных стратегий когнитивного освоения мира, которые признаются в качестве институционально приемлемых не за счет соответствия инвариантному стандарту научности, а в силу их функциональной интеграции в комплексном процессе воспроизводства и развития научной картины мира.

²⁴ См.: Горский Д. П., Ивин А. А. Логика и наука // Философия и социология науки и техники. М., 1987. С. 56–70.

держание разных когнитивных моделей²⁵, а следовательно, типов рациональности и их конкретных проекций в различных сферах познания. Наконец, (3) логика как уровень теории познания актуализируется в виде дискурса формализации результатов познания, который в то же время проявляется на данном уровне не в виде конкретных процессов формализации, а как методология этих процессов, которая *операционально* реализуется уже на уровне конкретных философских дисциплин. В формате теории познания логика проявляется в виде исследований, развивающих методологический аппарат самой логики. Здесь, к примеру, решаются вопросы конституирования классической и неклассических логик, формируются различные логические системы, разрабатывается аксиоматика логического исследования²⁶.

Возвращаясь теперь к методологии когнитивного действия, стоит подчеркнуть, что одной из ее существенных особенностей является отсутствие в структуре решаемых здесь вопросов проблематики истинности. Процесс формирования когнитивной модели безотносителен к названной категории. Его осуществление, а тем более методология соответствующего исследования не требует обращения к обозначенной проблематике. Последняя является прерогативой «эпистемологического» подуровня теории познания. Причем даже на этом уровне категория истинности оказывается применимой не к методологической аксиоматике исследования, которая задана когнитивной моделью, а к параметрам идентификации действительности, параметрам концептуализации предмета исследования в пределах соответствующей системы координат²⁷.

Разработка методологии конструирования когнитивной модели требует от ученого концептуализации собственных методологических оснований. Отсюда следующей особенностью данного уровня

²⁵ Ср.: Зандкюлер Г. Й. Указ. соч. С. 48–49.

²⁶ См., напр.: Васильев Н. А. Воображаемая логика. М., 1989; Карпенко А. С. Современные исследования в философской логике // Вopr. философии. 2003. № 9. С. 54–75.

²⁷ См.: Серль Дж. Рациональность и реализм: что поставлено на карту // Путь. 1994. Вып. 6. С. 214–216; Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ // Кун Т. Структура научных революций. М., 2002. С. 269–454; Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи. М., 2004.

познания является необходимость построения методологом системы координат, с позиции которой осуществляется разработка инструментов и принципов теоретического конструирования. При этом стоит отметить, что система координат, которую методолог формирует в качестве своей исследовательской позиции, с одной стороны, задает критерии осознания им себя в качестве субъекта когнитивного действия, а с другой – является опосредованной подобным осознанием и, следовательно, варьируется по содержанию и глубине концептуализации оснований в зависимости от научного потенциала и интересов исследователя²⁸.

Далее, тезис, согласно которому наработки в формате «методологии когнитивного действия» не подлежат оценке на истинность, не означает, будто результаты методологического исследования безотносительны к какой бы то ни было оценке на адекватность. Отличие методологических наработок от «предметных» теоретических построений, критерием адекватности и, следовательно, основанием для верификации которых служит условие *истинности*, заключается в том, что верификация методологических моделей и инструментов осуществляется с позиции их *эффективности* в качестве оснований познания, в виде ресурса развития познавательного процесса²⁹. Именно методологическое исследование³⁰ в наиболее полной мере проявляет познание в виде теоретического *конструирования*, т. е. процесса *формирования* знания, так как вне зависимости от когнитивной установки ученого (1) результат методологического исследования определяется в качестве инструмента, который «действительно существует» постольку, поскольку сформирован и идентифицируется в качестве такового исследователем, а (2) само методологическое исследование непосредственно связано с осознанием ученым себя как субъекта когнитивного действия.

²⁸ Построение системы координат методологического исследования, осуществляемое автором данной работы, является фрагментом методологии когнитивного действия.

²⁹ Ср.: Пружинин Б. И. Указ. соч. С. 25–26.

³⁰ Речь в данном случае идет об исследовании, осуществляемом на уровне методологии когнитивного действия, хотя, в принципе, характеризующие параметры в основных своих чертах проявляются на любом уровне актуализации методологического исследования.

Референтом методологического исследования являются особенности, условия и когнитивные инструменты осознания ученым своей субъектности, а следовательно, оснований когнитивного действия, собственного подхода, его структуры, возможностей, предпосылок развития. При этом значение методологических разработок, которые по определению не имеют абсолютных эквивалентов в структуре наличного знания³¹, определяется не их соответствием системе устоявшихся представлений, не их наглядностью или же очевидностью и тем более не их истинностью (данная категория неприменима к методологическим инструментам), а теми возможностями их операционализации, той когнитивной перспективой исследования, которая проявляется на основе подобного методологического инструментария³².

В частности, модель методологического дискурса когнитивной сферы как один из результатов исследования, проявленного на уровне методологии когнитивного действия, не претендует на истинность концептуализации «реально» существующего объекта (когнитивная сфера). В противном случае это было бы исследование по философии науки с характерными для уровня конкретных философских дисциплин возможностями и ограничениями. Истинность не является атрибутом методологической модели. А это означает, что она (модель) рассматривается в виде структуры критериев, познавательная ценность которой зависит от степени ее эффективности в качестве системы координат когнитивного действия.

Операционализация *модели методологического дискурса когнитивной сферы* позволяет разрешить целый ряд противоречий, связанных с проблемой соотношения «философии» и «науки», осознать роль теории познания в качестве неотъемлемого условия развития современной науки, дает возможность исследователю понять особенности институционализации познавательного процесса как проекцию функциональной структуры когнитивного действия и, следовательно, осознать собственную позицию в сложной инфра-

³¹ См.: Петров М. К. Историко-философские исследования. М., 1996. С. 246.

³² Стоит отметить, что методология когнитивного действия направлена не на ретроспективное исследование структуры и особенностей функционирования науки (ср.: Пружинин Б. И. Указ. соч. С. 12–28, 61–62), а на разработку и совершенствование методологических инструментов формирования знания.

структуре современной науки с характерными для этой позиции функциональными возможностями и когнитивными перспективами самореализации. Но в то же время данная модель не «снимает» соответствующих противоречий, не «решает» связанные с ними вопросы, оставляя их для других когнитивных моделей «нетронутыми» в той мере, насколько подобные модели сохраняют свою идентичность в виде систем координат со свойственными для них когнитивными горизонтами. В этом особенность когнитивной модели как методологического конструкта: она задает систему координат, которая имеет значение для исследователя, готового (и способного) принять ее в качестве основания, и в то же время не отвергает ни другие когнитивные модели, ни возможности собственного преобразования на любом уровне концептуальной конфигурации (включая исходные основания).

Так, рассматривая когнитивную сферу с позиции ее методологического дискурса, основанием построения которого является функциональная структура когнитивного цикла (функционально завершенного познавательного процесса), автор данной работы концептуализирует параметры институционально скоординированной инфраструктуры эпистемологических практик в качестве трехуровневой модели воспроизводства и развития познавательного процесса³³. Это модель когнитивной сферы, в которой философия, фундаментальная и прикладная наука являются функционально комплиментарными уровнями познания, характеризуемого в силу его направленности на воспроизводство и развитие научной картины мира в качестве «научного» в широком смысле этого слова, когда основанием для определения научности являются не формально-дисциплинарные, а когнитивно-функциональные признаки³⁴.

Развитие данной концептуальной модели позволяет отобразить конфигурацию каждого из названных уровней, учитывая в то же время различия между философией, фундаментальной наукой и уровнем прикладного научного знания. *Философия* в этом случае проявляется как методологический уровень когнитивной сферы,

³³ См. схему.

³⁴ Ср.: Лойфман И. Я. Мировоззренческие штудии. С. 67–69; Ойзерман Т. И. Указ. соч. С. 16–27, 47–48.

представленный подуровнями теории познания, онтологии и конкретных философских дисциплин и подверженный предметно-дисциплинарному членению только на последнем из этих подуровней. *Фундаментальная наука* как уровень операционализации философских оснований познания в ходе формирования верифицируемого знания об окружающем мире изначально оказывается дисциплинарно дифференцированной, при этом сохраняя трехуровневость познавательного процесса внутри каждой из образующих ее дисциплин, т. е. обладая уровневостью функционально сбалансированного когнитивного цикла, которая проявляется в виде соотношения метатеории, теории и эмпирии. Наконец, *прикладная наука* как уровень применения фундаментального знания к решению практических вопросов жизнедеятельности общества приобретает, в силу функциональных особенностей этого уровня, исключительно эмпирическую направленность, что, однако, не отменяет ее уровневости как самодостаточного когнитивного цикла. Ведь прикладная наука – это еще не производство, являющееся сферой материально-технологического применения знания. Это уровень формирования знания о путях и способах приложения научных открытий к решению практических задач современного общества³⁵, что позволяет рассматривать его как область диффузии между когнитивной сферой, с одной стороны, и экономикой, социальной политикой, образованием и т. д. – с другой.

Подобная конфигурация когнитивной сферы дает возможность понять многие методологические особенности развития науки, включая все уровни ее конституирования в качестве функционально самодостаточной инфраструктуры познания. В частности, это объясняет особенности развития отечественной науки в советский период, когда существующий идеологический прессинг, который, казалось бы, должен был исключить саму возможность творческого процесса, а следовательно возможность формирования научного знания, парадоксальным образом стимулировал развитие науки,

³⁵ См.: Медведев В. А. «Функциональные модусы» воспроизводства и развития социологии в качестве профессиональной структуры // Политическая культура и политические процессы в современном мире: методология и опыт эмпирического анализа: Материалы 8-й Международ. конф. памяти проф. Л. Н. Когана. Екатеринбург, 2005. Ч. 6 (2). С. 58–61.

динамика которой во многих отношениях превосходила темпы развития деидеологизированных институтов науки в западных странах³⁶. Здесь стоит отметить, что, хорошо это или плохо, но влияние идеологии на процессы институционализации отечественной науки «диктовало» условия развития философии как уровня научного знания, обуславливая аккумуляцию ресурсов данного дискурса в качестве оснований развития фундаментального и прикладного научного знания³⁷, в результате чего отечественная наука обрела выгодно отличающие ее и сохраняющиеся вплоть до настоящего времени свойства, связанные с высокой методологической культурой и фундаментальной подготовкой исследователей.

3. Особенности развития познавательного процесса: операционализация методологических построений

Обращаясь к особенностям развития познавательного процесса, необходимо прежде всего коснуться классической модели соотношения философии и науки, которая опосредована упрощенной интерпретацией методологических связей между различными уровнями познания. Ее основанием служит категория «научности» познавательного процесса. А это означает, что философия идентифицируется в качестве формы познания только в той мере, в которой она претендует на статус «науки»³⁸, что в данном случае предполагает ее соответствие критериям построения фундаментального научного знания.

При этом «научная философия» должна быть либо самостоятельной дисциплиной (философия науки), либо дисциплинарно дифференцированной областью знания. А поскольку дисциплинарная дифференциация философии по своим формальным признакам ближе к внутродисциплинарному делению конкретной науки, нежели

³⁶ См.: *Петров М. К.* Историко-философские исследования. М., 1996. С. 24–27.

³⁷ См., напр.: *Нарский И. С.* Критика концепций науки в буржуазной философии. М., 1969. С. 31–33.

³⁸ В противном случае она рассматривается как искусство, которое в данном контексте трактуется как внерациональная и, следовательно, не имеющая непосредственного отношения к познанию форма творческой самореализации личности.

к междисциплинарному делению фундаментального научного знания как уровня когнитивной сферы, возникают препятствия для определения эпистемологического статуса философии, так как, институционально воспроизводя основные признаки конкретной науки, предметно философия не соответствует особенностям конституирования последней: ее параметры не адекватны принципам интеграции фундаментального научного знания. В данном случае проявляется парадокс: институциональные характеристики философского дискурса характеризуют его как конкретную дисциплину, интегрированную в пределах уровня фундаментальной науки, а эпистемологические особенности свидетельствуют скорее об интеграции фундаментальной науки как уровня когнитивной сферы в пределах философского дискурса. И следствием этого является «расщепление» последнего с целью соотнесения его с фундаментальной наукой по принципу пересекающихся множеств. По сути, это предполагает деление философии на «философию науки», включающую в себя теорию познания, отдельные вопросы онтологии и совокупность предметных направлений философского знания, и так называемую ненаучную часть философского дискурса, которая с точки зрения классической науки не является актуальной, поскольку не вносит большого вклада в развитие познавательного процесса³⁹. Подобная «ненаучная философия» становится, таким образом, периферийной сферой исследований, что весьма существенно обедняет развитие познавательного процесса⁴⁰.

В этой связи необходимо отметить, что философия научна не потому, что проявляется на уровне фундаментальной науки, а потому, что воспроизводит и развивает в ходе познавательного процесса параметры научной картины мира. Если учесть, что философия является уровнем когнитивной сферы, то «парадоксальность» ее соотношения с фундаментальной наукой исчерпывает себя. В данном случае названное выше «противопоставление» относится уже не к философии и науке как разрозненным типам познания, а к фи-

³⁹ Такая постановка вопроса является весьма характерной для позитивистских концепций науки (см.: *Ойзерман Т. И.* Указ. соч. С. 543–548; *Нарский И. С.* Очерки по истории позитивизма. М., 1960. С. 147).

⁴⁰ См.: *Бердяев Н. А.* Философия свободы. М., 1989; *Шестов Л.* Сочинения: В 2 т. М., 1993. Т. 1.

лософии и фундаментальной науке как к уровням когнитивной сферы. Философия в данном случае является метадискурсом фундаментальной науки (не путать с ее метатеоретическим подуровнем), будучи частью науки как социальной системы, в пределах которой институционализируется познание на современном этапе развития общества⁴¹.

Однако классическая модель соотношения философии и науки строится на иных методологических основаниях. Рассмотрение актуальной с точки зрения этой модели части философского дискурса как одной из дисциплин в структуре фундаментального научного знания, которая в то же время имеет характерные для нее эпистемологические особенности, ведет к тому, что «научная философия» становится «пропедевтикой» конкретных научных дисциплин, а это обуславливает постепенное смещение методологических особенностей развития познавательного процесса, с одной стороны, и параметров трансляции сформированного знания через систему образования – с другой.

В частности, при анализе структуры философского дискурса возникает соблазн концептуализировать параметры внутридисциплинарной дифференциации философии по аналогии с предметной дифференциацией учебных курсов по философии, что ведет к возможному смещению акцента с процесса познания на вторичные по своей сути особенности репродукции знания в ходе подготовки специалистов-исследователей. А это во многом искажает эпистемологическую конфигурацию философского дискурса, размывая критерии идентификации структурообразующих параметров названного процесса. Последнее проявляется в желании концептуализировать параметры методологической комплиментарности философии и фундаментальной науки по формуле опосредования

⁴¹ Философия как методологический уровень развития когнитивной сферы является эпистемологическим и институциональным прототипом современной науки, что наряду с институциональными особенностями воспроизводства когнитивной сферы объясняет ее дисциплинарное сходство с конкретной наукой. Философское познание – это не абстракция, а реальный процесс функционирования определенного исследовательского сообщества, модель которого исторически сформирована (см.: *Петров М. К.* Указ. соч. С. 334–339) и воспроизводится на всех уровнях когнитивной сферы.

«теория познания – философия науки – метатеория», где философия науки оказывается составной частью философской теории познания, а метатеория выступает в качестве конкретно-научного (внутринаучного) эквивалента гносеологии. В данном случае в полной мере проявляется концепт «научной философии», предполагающий выделение сегмента философского знания, который непосредственно включен в развитие когнитивных практик современной науки и противопоставлен по этому основанию остальному («ненаучному») содержанию философии как особого социокультурного образования, ориентированного на развитие иных типов познания и имеющего своим предметом человека, который, как указывается в данном случае, находится в «слепом пятне» современной науки и не актуален для ее изучения⁴².

Подобное противопоставление, во-первых, основывается на классической модели научного знания; во-вторых, предполагает очень узкую интерпретацию концепта современной науки, определяя последнюю как простую сумму конкретных научных дисциплин, что не совсем верно, поскольку проявляет подход, в котором исследователь не видит «за деревьями леса», т. е. инфраструктуры науки, являющейся комплексным когнитивным образованием⁴³. Наконец, в-третьих, подобное противопоставление опосредовано искаженной интерпретацией функциональных особенностей философского познания, что является следствием подмены когнитивных, методологических особенностей философского дискурса институциональными параметрами организации образовательного процесса. Так, отождествление философии науки и теории познания (и тем более рассмотрение одной из них в качестве фрагмента другой) замыкает методологическую зависимость философии и фундаментальной науки на соотношении философской теории познания и научной метатеории, что, как показано ранее, не является перспективным и, по сути, содержит в себе опасность методологического «разлома» между философией и фундаментальной наукой.

⁴² См.: *Петров М. К.* Указ. соч. С. 509.

⁴³ См.: *Лойфман И. Я.* Дух диалектики. С. 32–33; *Мирошников Ю. И.* Проблема единства научного знания // Новые идеи в социокультурной динамике науки. Екатеринбург, 2005. Вып. 3. С. 8.

Однако это не является проблемой для развития когнитивной сферы на этапе доминирования классического идеала научной рациональности, поскольку в данном контексте эффективность познавательного процесса не требует преобразования аксиоматики когнитивного действия. Более того, отсутствие подобных преобразований является условием эффективности научно-технического прогресса⁴⁴. Поэтому проблема трансляции методологического ресурса с одного уровня когнитивной сферы на другой не является первостепенной, что, в частности, служит основанием критики классической теории познания в работах Бердяева, Манхейма, Рорти и ряда других исследователей⁴⁵.

В то же время ситуация кардинальным образом меняется, когда классический идеал научной рациональности начинает постепенно вытесняться новыми моделями познавательного процесса. Формируется идеал научной рациональности, который предполагает множественность постоянно развивающихся когнитивных моделей, т. е. подвижность аксиоматики научного поиска⁴⁶. А поскольку развитие аксиоматики конкретных наук осуществляется за пределами их дисциплинарной проявленности⁴⁷, т. е. на уровне философии, постольку вопрос о соотношении философии и фундаментальной науки, о возможности трансляции методологического ресурса становится одним из важнейших условий не только развития, но и воспроизводства познавательного процесса. И в этом случае опасность так называемого «методологического разлома» между уровнями когнитивной сферы⁴⁸ становится реальной проблемой в развитии познавательного процесса.

⁴⁴ См.: Кун Т. Указ. соч.; Пружинин Б. И. Указ. соч. С. 54.

⁴⁵ Бердяев Н. А. Указ. соч.; Манхейм К. Идеология и утопия. М., 1992. Ч. 1; Рорти Р. Философия и зеркало природы. Новосибирск, 1997.

⁴⁶ В данном случае все более актуальной становится попперовская критика Т. Куна, в которой исследователь утверждает, что сформированная Куном модель «нормального ученого» есть не что иное, как образ методологически безграмотного исследователя (см.: Поппер К. Указ. соч. С. 525–538).

⁴⁷ См., напр.: Пружинин Б. И. Указ. соч. С. 25–26.

⁴⁸ В данном контексте речь идет о соотношении философии и фундаментальной науки, хотя эта проблематика в несколько ином ее проявлении актуальна и в отношении функциональной комплиментарности фундаментального и прикладного научного знания.

Весьма симптоматичным в этом отношении является осуществляемое сейчас Российской академией наук введение в процесс подготовки молодых исследователей курсов по философии и методологии науки. И это не случайная образовательная реформа, а попытка переломить тенденцию упадка методологической культуры новых поколений исследователей – тенденцию, которая проявляется в самых различных областях научного знания, будучи наглядным свидетельством несостоятельности традиционной модели соотношения «философии» и «науки». Причем в контексте развития познания в современной России этот процесс является особенно показательным. Идеологизация советской науки предполагала актуализацию научной философии в виде диалектического материализма, который как модель философии науки содержит в себе и теорию познания, и онтологию, и конкретные философские дисциплины, структурированные относительно доминантности логики и методологии научного познания⁴⁹. А это воспроизводило общую когнитивно-функциональную конфигурацию методологического дискурса, что, несмотря на идеологические ограничения⁵⁰, способствовало методологическому взаимодействию уровней когнитивной сферы (за счет эффективной трансляции методологического ресурса), обуславливая адекватное для тех условий развитие познавательного процесса и обогащение методологической культуры исследователей.

В данном случае основанием методологической комплиментарности философии и конкретной науки была диалектика как общая теория развития⁵¹. И в этом смысле деидеологизация отечественной науки, открывая широкие перспективы развития познавательного процесса, в то же время сопровождается появлением методологического вакуума, поскольку диалектический материализм как методологическое наследие российской науки отбрасывается как нечто устаревшее⁵² и вместе с ним отбрасывается старая модель

⁴⁹ См.: Руткевич М. Н., Лойфман И. Я. Диалектика и теория познания. М., 1994. С. 4; Пружинин Б. И. Указ. соч. М., 1986. С. 31.

⁵⁰ Например, запрет на преодоление теории отражения (см.: Лекторский В. А. Указ. соч. С. 7–8).

⁵¹ См.: Лойфман И. Я. Дух диалектики. Екатеринбург, 2000. С. 70–75, 93–99.

⁵² См.: Руткевич М. Н. Диалектика на пороге XXI века // Лойфман И. Я. Дух диалектики. Екатеринбург, 2000. С. 5.

взаимосвязи уровней когнитивной сферы. А это создает востребованность замещения прежней структуры методологических связей новой моделью взаимодействия, тем более что даже сохранившиеся реликты диаматовской традиции теряют свою эффективность в условиях преобразования идеала научной рациональности.

Как следствие, в современной науке особенно актуальным становится тезис, согласно которому теория познания является ядром философского и основанием научного знания⁵³. Необходимо только отметить, что с точки зрения методологического дискурса когнитивной сферы философия не противостоит науке в качестве ее основания, а является одним из уровней конституирования последней, на котором разрабатываются основания развития конкретных дисциплин фундаментального научного знания. Причем сама наука определяется здесь в ином, отличном от классической интерпретации смысле.

Классическое противопоставление науки и философии строится не просто на различии методов познания. Его основанием является принципиальное различие референтов исследования. Основным предметом философии является Человек, что и отличает ее от классической науки, для которой Человека не существует⁵⁴. И это характерно не только для естественно-научного, но и для социально-гуманитарного знания, поскольку «научность» последнего определяется в данном дискурсе способностью отличать «Человека» как фокус эпистемологических практик – от «человека» как «вещи среди вещей». Именно это основание является условием дифференциации данных типов познания, в которых названное различие обуславливает проявление качественно несопоставимых параметров знания.

Однако формируемый в современной науке идеал рациональности опосредует проявление критериев научности, которые требуют учитывать фактор субъектности даже в естественно-научном познании. Наука рассматривается в данном контексте как социокультурное образование⁵⁵. А это означает, что особенности данно-

⁵³ См.: Рорти Р. Указ. соч.; Руткевич М. Н., Лойфман И. Я. Указ. соч. С. 4.

⁵⁴ См., напр.: Петров М. К. Указ. соч. С. 508–510.

⁵⁵ См.: Пружинин Б. И. Указ. соч. С. 4; Степин В. С. Теоретическое знание. М., 2000. С. 632–636; Касавин И. Т. Теория как образ и понятие // Вопр. философии. 2001. № 3. С. 103–110.

го «образования» зависят от того, как человек, определенным образом осознавая себя на соответствующем этапе развития, воплощает подобное осознание в процессе освоения окружающего мира⁵⁶. Следовательно, изменение идеала научной рациональности элиминирует предпосылки классической модели противопоставления «философии» и «науки».

Таким образом, современный этап развития познавательного процесса не просто требует формирования моделей (механизмов) методологического взаимодействия основных уровней когнитивной сферы, но создает условия для решения подобной задачи. В данном случае происходит крайне плодотворное взаимопроникновение «возможности» и «востребованности» изучения соответствующих вопросов, что формирует эпистемологическое пространство развития методологической проблематики на различных уровнях осуществления познавательного процесса⁵⁷.

М. А. Маяцкий

ОПСОДИЦЕЯ

Опсодицея – от греч. *opsis* – зрение и *dik/dikaia* – справедливость, правосудие, суд. Буквально – «оправдание зрения», а также «суд, процесс над зрением» – по аналогии с теодицеей, термин, в литературе мне не встречавшийся, поэтому, вероятно, мой. Обозначает мотив, идеологию и практику обвинения и/или оправдания зрительной способности, которой вменяются агрессия, инструментализм, сексизм, субъективизм, репрезентативизм и т. д. Двумя рамочными событиями истории опсодицеи выступают, с одной стороны, платоновская скопия, с другой – опсокластический переворот 20-х гг. XX в. Предысторию опсодицеи образует встречающаяся у досократиков критика зрения за его иллюзорный или доксихеский характер. Будучи самым точным и/или необходимым чувством (см. «со-

⁵⁶ Лекторский В. А. Указ. соч. С. 47.

⁵⁷ Ср.: Пружинин Б. И. Указ. соч. С. 4.